

Решение
(Сценарий)

1941 год. Лондон. Разрушенные кварталы города. Редкие машины, проезжающие в узких проходах между развалинами. Одинокое прохожие с подсумками для противогазов. Вой сирены. Люди, бегущие в убежище. Появляются пожарные машины, машины скорой помощи.

Город горит. Над ним летят немецкие самолеты.

Ставка премьер-министра Великобритании Черчилля в подвале Министерства финансов в самом центре Лондона.

Здесь много маленьких комнаток из бетона, такая же кухня, спальня на двоих.

Бетонные блоки на потолке укреплены бревнами. Конференц-зал с большой картой Европы, коммутатор.

Кабинет Черчилля – самое большое помещение подземелья. Тяжелые портьеры плотно закрывают то, что должно имитировать окна. Абсолютно консервативная обстановка, тяжелая мебель викторианской эпохи. Иногда глухо и отдаленно слышны взрывы.

В свете лампы хорошо видно лицо сидящего за письменным столом Уинстона Черчилля. Он быстро читает какие-то документы. Во рту у него большая сигара, на столе стоит бутылка хорошего виски, из которой он наливает маленькие порции в большой толстостенный стакан.

Входит Монтегю Браун – личный секретарь Черчилля.

Браун– Господин премьер-министр, профессор Линдемман в приемной.

Черчилль (Без раздумий, видно, что он ждал гостя) - Пусть войдет.

Входит небольшого роста человек примерно одного с Черчиллем возраста. Он одет просто, но с большим вкусом. Черчилль, улыбаясь, выходит из-за стола, жмет ему руку, выказывая гостю свое явное дружеское расположение.

Черчилль (Продолжая улыбаться) – Ты не представляешь, Джон, с каким нетерпением я ждал тебя.

Джон (Усаживаясь в кресло, стоящее около письменного стола) – Отчего же, представляю. Твое приглашение меня так заинтриговало, что я не скрываю своего нетерпения узнать причину, побудившую тебя вспомнить о моем существовании ...

Черчилль (Оттягивая начало разговора по существу, указывает рукой на виски и коробку с сигарами) – Ты все так же не куришь и не пьешь?

Джон – Да, мой друг. Увы, я уже не в том возрасте, когда меняют привычки. И единственная вольность, которую я могу себе позволить, так это с удовольствием посмотреть, как всем этим порокам с неизменным мастерством придаешься ты.

Черчилль (Улыбаясь) – Поверь, я извлек из выпивки больше, чем выпивка из меня. А тебе, если хочешь, я предложу отличный довоенный чай.

Джон – Пожалуй. (*Черчилль делает распоряжение, офицер охраны вносит поднос с чаем*).

Взгляд Черчилля становится строже. Решив, наконец, перейти к сути разговора, он мгновенно преображается - напрягся, сосредоточился.

Черчилль – Я пригласил тебя потому, что ты, наверное, единственный, действительно умный человек в королевстве, который обладает редким качеством - умением с удовольствием молчать. Я стою на пороге очень непростого решения и очень хочу, чтобы ты помог мне его принять...или не принять.

Джон – А в чем проблема?

Черчилль – На карту поставлено очень многое, если не сказать - почти всё. И самое неприятное заключается в том, что мучающий меня вопрос, наверное, не имеет рационального решения в пределах десяти заповедей.

Джон – И до тебя многие подозревали, что Моисей после данной ему на Синайской горе аудиенции опубликовал далеко не всё из полученных от Всевышнего скрижалей Завета. Так тебя-то что так тревожит?

Черчилль – Не удивляйся. Мне надо решить, присутствие какой армии по ту сторону от Ла-Манша более предпочтительно для моей страны: Гитлера или Сталина.

Джон (Не скрывает того, что слова Черчилля его поразили) – Армия Сталина на берегах Ла-Манша? Интересно... , а каким образом?

Черчилль – К сожалению, и это вполне возможно. В настоящее время граница между двумя тиранами, захваченными ими странами и территориями, представляет собой потенциальную линию фронта. Они оба готовятся к нападению друг на друга. И весь вопрос в том, кто это сделает первым. Если Сталин опередит Гитлера, то очень скоро его войска будут там, где я тебе сказал.

Джон – Ты не преувеличиваешь? Если они возьмутся мутузить друг друга, то, наверняка, надолго «завязнут» в этом занятии.

Черчилль – Все не так очевидно. Их армии, обе подготовившиеся к нападению, сами практически беззащитны. Пойми, в практике управления огромными армиями это не просто команды: «Наступать!» «Обороняться!» Тот, кто готовится наступать, как правило, не в состоянии обороняться. Переход от обороны к наступлению - это колоссальная проблема. И самое страшное начинается тогда, когда войска, напрягшиеся для наступления, противник внезапно атакует. Все или почти все великие победы были достигнуты над теми, кто сам готовился наступать.

Джон – Но при любом варианте мы получим длительную передышку, в нашей сегодняшней ситуации она не помешает.

Черчилль - Так думают многие наши аналитики, но не все. Объединенный разведывательный комитет считает, что для взятия Москвы

Гитлеру хватит месяца, а Сталин может оказаться в Париже через два месяца в том случае, если он нападет первым.

Джон – В последнее время, ты знаешь, я занимался совсем другими сферами, но впечатление дилетанта такое: русские не смогут сокрушить военную машину Германии в такие сроки. Практически все говорят, что финская компания показала полную дистрофию армии Советов. Гитлер разгромил Великую Францию, а Сталин сломал зуб, пытаясь откусить кусочек от маленькой Финляндии.

Черчилль – Да, действительно, финскую компанию русских европейские газеты постарались представить именно в таком свете. *(Закуривает очередную сигару.)* Однако все много сложнее. Наши специалисты ознакомились в позапрошлом году с укреплениями линии Монергейма и пришли к убеждению, что их практически невозможно преодолеть. А сделать это зимой, по грудь в снегу, в 40 градусный мороз – это вообще относилось к области ненаучной фантастики. А русские взломали эту не теоретически, а практически неприступную линию финской обороны. Положили там не знаю сколько... десятки или сотни тысяч, но, тем ни менее, взломали и прошли!

Джон – Европа, к сожалению, не сможет предложить им подобных условий.

Черчилль – Вот именно. И я обеспокоен поэтому тоже. Я чувствую, я внутри себя слышу голоса, подсказывающие мне, что Сталин представляет для нас угрозу более серьезную, чем этот олух из водосточной канавы.

Черчилль как бы диктует, систематизируя информацию, которую ему поставляли не один месяц. Он блуждает по кабинету в старых шлепанцах, как лев в клетке. Руки за спиной, голова наклонена немного вперед. Сигара торчит изо рта, и сквозь толстые клубы дыма он не говорит, а шепчет.

Черчилль - Ситуация складывается таким образом, что Сталин, превосходя Гитлера по всем видам вооружений и численности выдвинутых к границам войск, имеет еще и огромное психологическое преимущество. Его нападение на Германию будет воспринято и в Европе, и в мире как справедливое возмездие зарвавшемуся агрессору. Представляешь! Эту акцию я вынужден буду приветствовать. Продвижению советских войск, несомненно, окажет всяческое содействие население оккупированных Германией стран. Будет два, пусть - три месяца всеобщей эйфории, которая закончится для многих отрезвлением в подвалах ЧК. И Сталин, уже почти в мировом масштабе, отменит неравенство в распределении благ, равномерно распределив нищету.

Джон – Подожди, что, и танков сегодня у Сталина больше, чем у Гитлера?

Черчилль – Сталин лидирует по всем видам вооружения с колоссальным отрывом. *(Подходит к столу, берет бумагу и после*

мимолетного взгляда в нее комментирует) Здесь по танкам даются различные оценки, скорее всего, у Гитлера их меньше раз в 5-6. *(Перебирает другие бумаги)* И так или почти так по всему - по самолетам, по артиллерии...

Джон – Постой, одно голое преимущество в силе не говорит пока ни о чем. Должна быть явная агрессивная составляющая.

Черчилль – *(Почти кричит)* И она есть! Что-что, а вот этого хоть отбавляй. По данным нашей разведки, русские уничтожают ранее построенные оборонительные сооружения «линии Сталина», ими оборудуются проходы для войск, спешно строятся железные дороги к границе, самолеты переводятся на приграничные аэродромы *(Длительная пауза)*...Кстати, по данным нашей разведки, то же самое делает и Гитлер.

Джон – Так. Скажи прямо, у тебя есть полная уверенность в том, что обе стороны готовятся к агрессии.

Черчилль – Хороший вопрос. Что касается Гитлера, то здесь я скажу твердое «да». Нам известны многие детали плана нападения на Россию. В отношении намерений Сталина все много сложнее. Мы располагаем лишь косвенными подтверждениями того, что план захвата всей континентальной Европы существует, и СССР уже приступил к его реализации.

Джон – И, все-таки, что тебя лично убеждает в правдивости такой информации?

Черчилль – Убеждает?...Убеждает, наверное, история человечества, такая, как я ее понимаю, из чего возникает уверенность в том, что любая тирания может существовать, только непрерывно разбухая. Стабильность диктатурам противопоказана, это как раковая опухоль – она живет, только превращая все окружающее в себе подобное. Задача создания всемирной коммунистической империи, которую пытается реализовать Сталин, имеет только одно решение. Не захватив весь мир, этот режим обречен.

Джон – А что-нибудь более конкретное у тебя есть?

Черчилль – Если ты имеешь в виду оригинал плана операции, подписанный всеми высшими чиновниками СССР, то нет у меня такого документа. Но нам стало известно, что Сталин проводит скрытую мобилизацию. Это значит для меня больше, чем любая самая секретная бумага.

Джон – Если я правильно понимаю, то ты хочешь активно вмешаться во взаимоотношения этих двух малосимпатичных типов.

Черчилль – Да, хочу! И обдумываю, как это сделать. К тому же, нужно понять, чей первый ход принесет нам наибольшую пользу.

Джон – Оставь, не может быть, чтобы ты не ответил себе на этот вопрос. Наверняка ты не только ответил, но и все решил. Не удивлюсь, если ты что-то уже предпринимал, старый лис.

Черчилль (Ухмыляется, при этом в нем проглядывает внутреннее удовлетворение собой) – От тебя невозможно что-либо скрыть. Ты прав, я еще в апреле направил Сталину письмо, в котором предупредил его о концентрации немецких танковых дивизий непосредственно у границ СССР.

Джон – И зачем ты это сделал?

Черчилль – Чтобы укрепить его в мысли о том, что никакого нападения Германии на СССР в 41-ом году не будет.

Джон – Не понял.

Черчилль – Да, понять это совсем не просто. *(Останавливается перед собеседником и шутливо кланяется)*. Я прекрасно знаю, какую репутацию у этого фанатика мировой пролетарской революции заслужил ваш покорный слуга. Он ненавидит меня и, конечно, не верит ни единому моему слову. Поэтому, вероятнее всего, мое письмо он воспринял как попытку отсрочить вторжение Гитлера на острова и втянуть его в войну на нашей стороне. *(Рассуждает)* Но это явно не входит в его планы. Снабжая Германию сырьем, предоставляя свои северные порты немецким кораблям, Сталин демонстрирует свое миролюбие Гитлеру, подталкивая его еще глубже завязнуть в войне с нами. Ни на секунду не сомневаюсь, решишь ефрейтор на форсирование Ла-Манша, как тут же получил бы сталинский нож в спину. Обычно миротворец кормит крокодила в надежде на то, что крокодил съест его последним. Здесь особый случай – миротворец собирается полакомиться своим выкормышем.

Джон – Таким образом, ты свой выбор сделал?

Черчилль – Нет, я пока сделал только первый шаг. Но я не перешел Рубикон. Да, я считаю, что в том случае, если Гитлер нападет первым, у нас появится перспектива выйти победителями в этой глобальной войне. А он непременно нападет, Сталин не оставит немцам ни малейшего шанса, в том случае, если сумеет атаковать их первым.

Джон – И в чем он, твой Рубикон?

Черчилль – Окончательный выбор я сделаю тогда, когда от эпистолярного жанра, от переписки со Сталиным, я перейду к конкретным действиям.

Джон – Если твои расчеты верны, то разумно продолжать начатое, придерживаясь выбранной тактики. Зачем усложнять ситуацию? Более сложные схемы, как правило, чаще ломаются.

Черчилль – Вот зачем. Информация, которую я передал Сталину, абсолютно реальна. И он, наверняка, получает подобные сигналы из своих источников, я в этом полностью уверен. Вода камень точит. В топку его размышлений надо подбрасывать новое горючее. Здесь письмами не обойдешься. Нужно что-то более весомое, нужно что-то погорячей.

Джон – Ты хочешь показать Сталину, что ты блефуешь, предупреждая его о нападении, на чем-то совершенно реальном.

Черчилль – Да, мой друг, совершенно верно. Именно так!

Джон – И у тебя есть вариант?

Черчилль – Мои мозги говорят - «да», мое сердце кричит - «нет».

Джон – Может быть тебе нужен не я, а священник?

Черчилль – Нет, Джон, мне нужен именно ты. Пойми, я должен продемонстрировать Сталину свою неосведомленность в реальном деле, затрагивающим существеннейшие интересы Империи. Необходимо пожертвовать чем-то таким весомым, что убедит Сталина, и он увидит, поверит в то, что в наших переговорах я блефую. Он почти готов это блюдо съесть. *(Подходит к столу и наливает виски, говорит со стаканом в руке)* Я подвожу его к выбору: либо у меня нет надежных источников информации в Рейхе, либо я просто вульгарно вру. Он скорее поверит во второе. Но и в том, и другом случаях Сталин будет считать, что моя цель ему полностью ясна: я хочу любой ценой втянуть его в войну с Гитлером, и тем самым спасаю Британию. Он и сейчас уверен в том, что я мечтаю выиграть время. Но, убедившись в этом еще раз, он подождет, он считает, что время еще есть, и оно работает на него. В этой уверенности Сталина я и должен найти свой единственный шанс.

Джон – Ну, знаешь мой друг, здесь существует масса вариантов. Активные действия нашего флота по поводу какой-либо придуманной опасности мгновенно будут отмечены нацистской пропагандой.

Черчилль – Нет, ты не понимаешь. Мы должны понести абсолютно реальные и весьма существенные потери. То, что предлагаешь ты, Сталин мгновенно отфильтрует, он не поверит в мою ошибку, если она не повлечет за собой наше поражение.

Джон – Так ты вот о чем!

Черчилль – Да, я об этом.

Джон – И что ты решил скормить Гитлеру под пристальным взглядом Сталина?

Черчилль – *(Выпивает виски, долго молчит, потом поворачивается в сторону Джона и резко, хрипло бросает ему в лицо)* - Крит.

Пауза. Друзья смотрят друг на друга так, как будто видят впервые.

Черчилль – На 20 мая немцы планируют захватить нашу базу на острове, высадив на нем воздушный десант.

Джон – Погибнут сотни наших мальчиков.

Черчилль – Да, это так. Ты абсолютно прав. Но если сталинская орда ринется на Запад, погибнут не только миллионы наших и не наших мальчиков, погибнет европейская цивилизация.

Джон – А что если все твои логические построения имеют внутри какую-то принципиальную ошибку, ведь никто не может исключить того, что ты сам находишься в плену чьей-то дезинформации? Как быть тогда?

Черчилль – На эти вопросы у меня нет ответа. Порукой верности моих многодневных размышлений является только мой опыт, мое видение этого мира, моя интуиция, вера в мою удачу...

Джон - Значит, ты решился...

Черчилль – Я не решился, я решил.

Джон – Я никогда не завидовал людям, взявшим на себя бремя власти. *(Длительная пауза)* Ты пригласил меня, чтобы я тебя выслушал?

Черчилль (Опустошенный, весь в себе, реагирует не сразу, говорит тихо) – Да.

Сцены десантирования немцев на остров Крит. Эпизоды захвата острова немцами.

Май 1941 года. Кремль. Кабинет Сталина, присутствуют несколько узнаваемых лиц.

Входит Поскребышев.

Поскребышев – Товарищ Сталин, срочная шифровка. (Подает Сталину папку).

Сталин (Прочитав, ухмыляется в усы, обращается к присутствующим) – Немцы захватили английскую базу на острове Крит. Да, весьма интересно. (Размышляет) Так где же, товарищи, была эта хваленая английская разведка? Черчилль – хитрая лиса, он достаточно ловко мешает правду с вымыслом, пытается дезинформировать нас, пугает немецкими приготовлениями на наших границах. Недавно он поделился с нами этими данными, полученными от своих агентов в Германии. (Бросает папку на стол и, указывая на нее, говорит.) Но если он так искренне печется об обороноспособности СССР и имеет надежные источники у немцев, то почему в таком случае не смог помочь самому себе?

Присутствующие улыбаются, понимающе кивают головами.

Сталин – А вывод из всего этого, товарищи, один: здоровое недоверие – хорошая основа для совместной работы.

Все присутствующие весело реагируют на шутку вождя. Их смех переходит в канонаду немецких орудий.

Кадры немецкой кинохроники - вторжение в СССР. Первые дни войны, осажденные Москва, Ленинград, толпы наших пленных, немецкие лагеря смерти...

Война, осень, русские солдаты, вытаскивающие орудие на себе.

Калейдоскоп событий заканчивается кадрами вступления советских войск в Восточную Европу.

Крымская конференция. Февраль 1945 года. Довольно прохладно, но солнце светит по-весеннему – очень ярко.

Черчилль осматривает северный фасад Воронцовского дворца. Рядом с ним Монтегю Браун. Северный фасад дворца - строгий и простой, напоминает средневековый замок из романов Вальтера Скотта. Башни с остроконечными куполами, высокие дымовые трубы, похожие на полураспустившиеся цветы, зубцы на мощных стенах прекрасно гармонируют, благодаря серо-зеленому цвету диабаза, из которого построен дворец, с причудливой грядой Крымских гор.

Черчилль – Если я правильно понимаю, этот замок в английском стиле эпохи Тюдоров.

Монтегю Браун – Это было бы слишком просто. Этот замок – двуликий Янус. До Вашего прибытия я внимательно изучил его, и надо признаться, дворец меня поразил.

Черчилль и Монтегю Браун уже стоят у южного фасада дворца. Их взору открывается торжественный, праздничный, раскрытый навстречу морю и солнцу высокий портал с глубокой нишей, покрытый белым лепным орнаментом и дополненный башенками-минаретами.

Черчилль – Да, это индийский дворец эпохи Великих Моголов. Поразительно!

Монтегю Браун – Как тонко поступил господин Сталин, предоставивший этот дворец именно Вам.

Черчилль – А воду горячую он предоставил? Неужели кто-то думает, что я смогу обойтись без моей горячей ванны?

Монтегю Браун – Я выяснил. Воду будут привозить вон с тех кораблей. Показывает на сторожевые корабли, стоящие на рейде в бухте.

Черчилль – По талонам?

Монтегю Браун – Не понял?

Черчилль – Ну, что тут не понятно – здесь все по талонам. Война.

Монтегю Браун – Нет, нет... ванную вы сможете принимать каждый день.

Черчилль – Значит, Сталин мне разрешил брать ванну. Ухмыльнулся. Надо привыкать.

Монтегю Браун – К чему, сэр?

Черчилль – К тому, что великий вождь и учитель товарищ Сталин нам будут что-то разрешать... или не разрешать.

Монтегю Браун ничего не понял. Черчилль в раздумьях.

В резиденции Рузвельта во время конференции в Ливадийском дворце

Черчилль с Рузвельтом разговаривают в комнате американской делегации, примыкающей к залу, в котором проходят переговоры глав трех держав антигитлеровской коалиции.

Черчилль – Господин Президент, все вопросы, которые мы здесь обсуждаем – явная мелочь по сравнению с той перспективой, которая открывается мне при взгляде на меняющуюся по мере продвижения войск Сталина карту Европы.

Рузвельт - Вас беспокоят некоторые заминки, происходящие у русских?

Черчилль – Отнюдь. Я постоянно думаю о том, где маршал Сталин надумает остановить свои войска.

Рузвельт – Если я Вас правильно понимаю, Вы подозреваете Сталина в разработке планов захвата всей Европы.

Черчилль – Подозреваю я его, или нет, – вопрос второстепенный. Главное в нашей ситуации - иметь в кармане достойный ответ на этот вполне возможный вызов со стороны Советов.

В Ливадийском дворце проложены линии телефонных проводов, обеспечивающих возможность прослушивания переговоров Рузвельта и Черчилля один на один. В маленькой комнате в подвале сидят радисты-переводчики и стенографируют разговор двух лидеров.

В коридорах Ливадийского дворца идет толпа корреспондентов, среди которых находится английский репортер Ежи Токарский. Он случайно запинается за ковер, покрывающий всю площадь перехода, и обнаруживает провода, идущие куда-то. Никто не заметил этого.

Ежи находит способ присоединиться к линии связи, слышит разговор Рузвельта и Черчилля. Он понимает, что Сталин «слушает» союзников.

Рузвельт – Я полагаю, что у Вас подготовлены варианты возможного ответа. Но хочу заранее предупредить, что наращивание корпуса Соединенных Штатов в Европе вряд ли пройдет через Конгресс.

Черчилль - Не думаю, что прямое столкновение поможет нам. Армия Советского Союза в сегодняшнем её состоянии слишком сильна для того, чтобы испытывать судьбу, уповая на возможность остановить её силой нашего оружия.

Рузвельт – Если я Вас правильно понял, Вы считаете, что у нас нет вариантов, и уповать нам приходится только на добрую волю дядюшки Джо?

Черчилль – Вот как раз на это я рассчитываю в самой меньшей степени. Если у Сталина появится возможность дойти до Ла-Манша, он дойдет.

Рузвельт – И его уже не остановить?

Черчилль – Можно, но очень сложно.

Рузвельт - У вас есть план?

Черчилль – Это трудно назвать планом. Есть некая идея.

Рузвельт – И в чем её суть?

Черчилль – Мы должны показать Сталину силу и неотвратимость возмездия.

Рузвельт – Вот так. Возмездия... Интересно. Но как?

Черчилль – Сегодня в Европе мы реально превосходим Сталина практически только в одном компоненте – в бомбардировочной авиации.

Рузвельт – И?

Черчилль – Из этого я вижу единственный вариант, достойный обсуждения. Мы можем реально превратить в руины любой крупный город за сутки, максимум за двое.

Рузвельт – Разбомбить город? Какой? Вы отдаете себе отчет о последствиях.

Черчилль – Да отдаю. Мы должны пригласить наступающие советские войска войти в большой мертвый немецкий город. И там они

должны будут увидеть то, что может быть с любым городом России, если они перейдут черту им дозволенного.

Рузвельт – И почему это должно оказать на русских такое сильное воздействие? Они пройдут дальше и не остановятся.

Черчилль – Если войдут, то не пройдут. Русские интересно устроены. Они будут спасать оставшихся в живых, собирать трупы, гасить пожары... Русские в Европе ужасно, как бы это точнее выразиться,... да - комплексуют... Они, в основной своей массе, практически никогда не покидали пределы своей страны. Иностранцы для них диковинные люди, поэтому отношение к ним в России совершенно особенное - как у властей, так и у простого населения. У русских нет опыта общения с миром, и нет внутреннего регламента поведения за границами России, поэтому они начинают импровизировать... Нет, если уж они войдут, то не пройдут мимо...

Рузвельт – И откуда вы это все знаете?

Черчилль (*Лукаво улыбается*) – Я иногда сам удивляюсь широте моих познаний.

Рузвельт – И какому городу вы хотите преподнести такой подарок?

Черчилль – Название этого города нам подсказывают сами русские.

Рузвельт – Это как?

Черчилль – Они обратились к союзному командованию с просьбой о бомбардировке скапливающихся немецких войск в районе Дрездена.

Рузвельт - И вместе с немецкими войсками мы разбомбим немецкое мирное население Дрездена...

Черчилль – Не вместе, а вместо. Вместо военной инфраструктуры и войск наша авиация уничтожит город. *Жестикулирует.* Пожар останавливают встречным пожаром. Операция «Backfire». (*Здесь игра слов. В английском backfire - это и встречный пал, и то, что приводит к чудовищным последствиям*) Этому нас учили еще во времена войны в Южной Африке.

Рузвельт – Да, мне говорили... По-моему там буры взяли вас в плен?

Черчилль (*Несколько смущен*) – Давно это было...

Кабинет Сталина в его резиденции в Ялте. Входит Берия, в руках у него папка с расшифровкой стенограммы разговора союзников.

Берия – Да, здоровое недоверие, как ты говоришь, Коба, никогда не помешает. Наши западные друзья (*ехидно ухмыляется*) готовят для тебя веселый спектакль. «Последний день Помпеи» называется, если я не ошибаюсь.

Сталин. – Что они задумали мне показать?

Берия – Они бомбардировками отутюжат Дрезден. Конев войдет в город-пепелище, где его будут встречать горы смердящих трупов. Там сейчас находится, по нашим данным, около полумиллиона гражданских немцев.

Сталин - Не войдет.

Берия - Кто не войдет?

Сталин – Конев не войдет. В Дрезден Конев не войдет. Пока не войдет. Пускай союзнички поупражняются.

Советник Президента США Гарри Гопкинс входит в комнату делегации Соединенных Штатов в Ливадийском дворце.

В комнате Рузвельт и Черчилль.

Рузвельт – Гопкинс, я вас не вызывал.

Гопкинс - Вопрос крайней важности.

Рузвельт - Что случилось?

Гопкинс достает из папки листок бумаги и пишет: «Здесь установлены подслушивающие устройства»

Черчилль- Это очень интересно и крайне актуально, тем более, что конференция практически закончилась. Им известно всё?

Гопкинс - Думаю, что да, но твердо уверен в том, что они знают ... Он пишет на бумаге слово: «Дрезден».

Рузвельт – Да, этого вы, Гопкинс, не знали...

Черчилль (Читает написанное, вытаскивает сигару и нюхает её) - Поздно.

Рузвельт – Что поздно?

Черчилль - Поздно что-либо менять. Решение было принято, и отменить мы его уже не можем.

Войска Маршала Конева, стоящие в 150-ти километрах от Дрездена.

Офицер передает Маршалу шифрограмму из Ставки. По лицу Конева видно, что он очень озадачен.

Кадры хроники уничтожения Дрездена. Сталин смотрит их в кинозале на своей ближней даче. Никакой реакции, только легкая улыбка на губах.

Бой за Берлин. Флаг победы над рейхстагом.

Могилы, могилы, могилы...Могилы русских, немцев, англичан, американцев...

1945 год. Поздний майский вечер в Варшаве. По почти безлюдным улицам идет хромой средних лет блондин с голубыми глазами. Время от времени он останавливается, незаметно оглядывается по сторонам. Входит в дом.

В большой комнате довольно тесно. Окна занавешены. Накурено. Присутствующие о чем-то приглушенно переговариваются. Входит хромой мужчина, которого мы видели в предыдущем эпизоде. Все встают. Он занимает место в центре стола.

Хромой мужчина – Панове, это против наших правил, но я был вынужден собрать вас. Из ставки Жукова нам предложили организовать встречу командования Армии Крайовой с советскими оккупационными властями.

Молодой мужчина – Отлично, пусть приходят к нам, в наши леса. Не думают же они, что это мы к ним пойдём.

Хромой мужчина – Да нет, именно так они и думают.

Мужчина с трубкой – Вот это радостная новость, панове! Отродясь не слышал ничего смешнее. Более простого и надежного способа отправиться к праотцам никто в этом мире еще не придумывал. *(Оглядывает присутствующих)* Я не понял: кто-то забыл 39 год? Есть желающие повторить судьбу наших офицеров, попавших в руки Советов? Ради Бога, только без меня.

Хромой мужчина (достаёт какую-то бумагу и говорит, смотря в неё) – Англичане уверяют, что получили от русских гарантии полной нашей безопасности, *(Читает по слогам)* ...им – му – ни - тет.

Молодой мужчина. Лицо его обезображено шрамами. Он нарочито, с вызовом смеется, передразнивает Хромого. – Гарантии полной безопасности? От кого они их получили, от Сталина или от Берии? *(обходит присутствующих)* И кто здесь верит в этот самый *(с издевкой, передразнивая блондина, говорит тоже по слогам)* им – му – ни - тет?

Встает сидевший в углу мужчина, отличающийся от остальных тем, что одет несравнимо лучше. Говорит с акцентом

Англичанин – Господа! Я думаю, что вы понимаете, что отношениями между польским сопротивлением и советской администрацией не исчерпываются проблемы послевоенного урегулирования в Европе. Отсутствие у руководства Армии Крайовой даже видимости желания установить нормальные отношения с русскими слишком очевидно и ставит наших представителей на переговорах с Советами в двусмысленное положение. Мы действительно обсудили с русскими возможность вашей встречи. Гарантии безопасности получены. Решение за вами.

Молодой мужчина – Вы знаете, любезный, от ваших рассуждений несёт дорогим одеколоном. А нас вы толкаете в дерьмо. Вам никогда не приходилось бывать в лапах у чекистов, а я побывал! Уверен, что опыт тесного общения со сталинскими хлопцами, несомненно, помог бы вам по-другому посмотреть на перспективы, которые вы нам тут так красочно живописуете.

Англичанин (Обращаясь к молодому мужчине) – Я хочу надеяться, что в результате произошедшего вы не утратили личного мужества.

Молодой мужчина пытается вскочить, но его удерживают. Англичанин продолжает, не обращая внимания на эту реакцию.

Англичанин – Что же касается нашей роли, то я думаю, здесь все помнят - Великобритания вступила в войну, выполняя свои обязательства перед Польшей.

Молодой мужчина – Помним, помним, как же, все хорошо помним. Когда пятьдесят шесть немецких дивизий терзали одинокую Польшу, а Советы впились нам с тыла, то ваши самолеты разбрасывали листовки над Германией, уговаривая немецких мальчиков вести себя хорошо. Это было начало, и вот чем все это заканчивается. Вы воевали с Гитлером для того, чтобы подарить Польшу Сталину?

Англичанин (Уже не скрывая раздражения) – Вы обвиняете союзников в предательстве. Не думаю, что у вас есть на это право. *(Обращается к хромоту мужчине, говорит резко)* - Решайте.

Хромой мужчина – Панове, у нас нет выбора. Без ввода вооруженных сил наших западных союзников в Польшу Советы рано или поздно подавят наше сопротивление. Силы слишком неравны. У нас есть минимальный шанс, оперевшись на данные англичанам гарантии, попытаться выиграть время, затянуть переговоры. Кто знает, какой будет ситуация через месяц...

Молодой мужчина (оглядывает всех присутствующих и, видя, что они готовы согласиться, обращается к хромоту мужчине, голос его звенит) Веслав, пойми, это страшная ошибка! Это западня! Мы не должны туда идти.

Хромой мужчина – Все, хватит. Я решил. *(Достает карту, часть присутствующих склоняется над ней. Молодой мужчина демонстративно отходит в сторону)*.

Хромой мужчина (Смотрит в сторону молодого мужчины) – Адам иди сюда! *(Обращается к молодому мужчине)* – Ты с нами не пойдешь. Со своим отрядом укроешься вот в этом здании *(Показывает на карте)* и в случае... осложнений попытаешься нам помочь.

Раннее утро. Ставка Жукова в Польше. В стоящее рядом здание крадучись проникают одетые в гражданскую одежду бойцы Армии Крайовой.

Группа из шестнадцати одетых в разную поляков подходят к КПШ ставки.

Хромой мужчина (Тихо, обращаясь ко всем) – Если русские предложат сдать оружие, сразу уходим.

Поляков встречают, приветствуют и проводят внутрь ставки двое советских офицеров.

Большая комната, в которой должны идти переговоры. Вошедшие рассаживаются с одной стороны длинного стола. Советский генерал предлагает всем чай. Чай вносят на подносах солдаты, остановившись за спинами польских офицеров, и по команде проводят удушующий прием. Краткая безмолвная борьба, через минуту все кончено.

В развалинах притаились двое советских военных. Солдат и старшина. Они сидят около пульта взрывателя. В проломе стены виден дом, в который недавно проникли бойцы Армии Крайовой, готовые вмешаться при осложнении ситуации в ставке Жукова.

Старшина – Ну, кажись, все паны собрались до кучи. Василь, ты не считал, сколько их слетелось?

Рядовой – Десятка два, не меньше.

Старшина (смотрит на часы) – Пора. Жми.

В этот момент в окне здания появляется женщина, стряхивающая скатерть. Рядовой с недоумением смотрит на старшину.

Старшина (Зло) – Жми!

Рядовой нажимает на взрыватель, здание медленно оседает.

Рядовой (Смотрит на клубы оседающей пыли) – Здесь люди живут.

Старшина (Стреляет рядовому в затылок) – Жили, Вася, жили.

Конец мая 1945 года. Ночь. Военный аэродром под Москвой.

Приземляется «Дуглас» с опознавательной символикой ВВС США. Приемная суета у трапа. Мужчины, вышедшие из самолета, садятся в машину.

Кавалькада машин, лихо разворачиваясь на летном поле, выезжает с аэродрома.

Двое мужчин сидят на заднем сидении представительского американского автомобиля. Это Гарри Гопкинс – специальный посланник Президента США и Аверелл Гарриман – посол США в СССР.

Гарриман – Всё осложняется тем, что дядя Джо ждет нас через четыре часа. Мы едва успеваем.

Гопкинс (Морщится, глядя на часы) – Не могу сказать, что я в восторге от странной манеры Маршала работать в то время, когда все нормальные люди спят.

Гарриман (Улыбаясь) - Да, он оставил разговор с нами для приятного завершения своего рабочего дня, точнее сказать, рабочей ночи. Но, Гарри, это не только странности Маршала, - здесь все самое важное происходит ночью. Хотя для страны, в которой сначала празднуют Новый год, а потом Рождество, это, наверное, нормально.

Гопкинс – Все это мелочи в сравнении с проблемами, которые нам предстоит с тобой решать. Ситуация в последнее время очень изменилась. От эйфории воинского братства, которая возникла при встрече наших армий на Одере, не осталось ничего. Сегодня Сталин стал все больше походить на бульдозер, сметающий на своем пути все прежние договоренности. Это крайне раздражает Черчилля и настораживает Трумэна.

Гарриман – Ты думаешь, Черчилль не слишком сгущает краски, когда предупреждает, что Союзники расходятся для того, чтобы столкнуться.

Гопкинс – Черчилль никогда не доверял Сталину. Дядя Джо платит ему той же монетой. Англичане не расформируют немецкие части, готовясь использовать их в случае, если Сталин не остановится на Одере. И по тому, что делает Молотов на конференции в Сан-Франциско, складывается впечатление, что русские войска уже отдохнули и готовы прошагать до Ла-Манша.

Собеседники замолкают и рассматривают ночную Москву. Они проезжают район площади Восстания. Дворник, убирающий дорогу у «Высотки», распрямляется, услышав шелест шин пролетающего кортежа, и мы видим, что это красивая, еще молодая женщина восточного типа. Она одета в телогрейку, на голове ее черный платок.

Гопкинс – Тогда как ты оцениваешь захват польских офицеров после того, как русскими были даны гарантии их безопасности?

Гарриман – Это либо демонстрация своих безраздельных претензий на Польшу, либо этап работы по обеспечению безопасности транспортных потоков к будущему театру военных действий. Либо и то, и другое вместе. В любом случае, это игра мускулами.

Гопкинс – Судя по всему, Сталин находится на грани попытки утолить зуд набухшей силы.

Гарриман – История повторяется. Летом сорок первого он тоже кипел силой.

Гопкинс – Да, ее было много, даже очень много. А как все обернулось. Он опоздал напасть, и вся армада, подготовленная к атаке и беззащитная в обороне, рухнула в одночасье. Мне кажется, что именно с тех пор Сталин особенно не выносит Черчилля.

Гарриман – Почему, при чем тут наш добрый толстяк? Неужели только потому, что он предполагал такой вариант развития событий?

Гопкинс (Выдержав паузу, как бы думая, посвящать ли Гарримана в тайну, известную ему) – Мы не все знаем, о многом можем лишь догадываться. (Запрокинув голову на спинку сидения. Говорит медленно) Рискнет он в этот раз или не рискнет, и если рискнет, то когда?

Кортеж машин въезжает в ворота Спасской башни Кремля.

В ярко освещенном Зале приемов в Кремле делегацию встречает сердечно, настолько, насколько он это может, улыбающийся Сталин.

Идет процесс представления членов делегаций, шевелят губами переводчики. В кадре постоянно находятся глаза Сталина, излучающие доброту и покой. Он почти похож на свои портреты. Все рассаживаются за стол.

Утро следующего дня. Столовая резиденции посла США в Москве. За столом Гарриман и Гопкинс. Они завтракают.

Гопкинс – Аверелл, что ты думаешь по поводу начала?

Гарриман – Ты знаешь, меня удивил постоянно улыбающийся Сталин (Пауза) Да, за то время, которое мне приходилось с ним общаться, я никогда не видел его столь радушным и приветливым. Я понимаю, что он пытается выжать максимум возможного в отсутствие представителей Черчилля. (Пауза) И, честно говоря, я не предполагал, что первый день...прости, первая ночь наших переговоров так затянется. (Пауза) Да, вчера я был более чем удивлен. Буквально поразила та упругая сила уверенности, с которой Сталин заявил, что Гитлер жив и скрывается с Борманом. В этот момент мне даже показалось, что эти представители высшей расы сидят в подвале ЧК.

Гопкинс – Ну, в отношении фюрера этого, конечно, не может быть. Наши эксперты и аналитики полностью уверены в том, что он покончил с собой. Более того, перед отлетом меня ознакомили с материалами, из них следует, что трупы Гитлера и его жены были русскими найдены. Их опознали и захоронили в каком-то гараже под Магдебургом.

Гарриман – Почему под Магдебургом?

Гопкинс – Не знаю. В этих же материалах утверждается, что часть внутренних органов Гитлера и Евы Браун были упакованы в стеклянные банки и отправлены в Москву.

Гарриман – Значит, возможно, сегодня банка с сердцем Гитлера стоит на письменном столе в кабинете Сталина.

Гопкинс – Не думаю, хотя и не исключено.

Гарриман – Действительно занятно. Зачем ему потребовалось самому распространять столь откровенную дезинформацию?

За столом повисла тишина. Дипломаты пьют кофе. За окном уже почти летний московский день.

Гопкинс – Возможно, в этом вопросе ключ к пониманию намерений Сталина. Вот только времени искать его у нас практически нет.

Безлюдный перрон Киевского вокзала. Медленно подходит поезд, состоящий из вагонов высшего европейского класса. В окружении советских военных на перрон выходят мужчины. По форме головных

уборов и по кителям в них можно безошибочно узнать представителей Франции.

В Москву прибыла французская миссия связи. Ее возглавляет седовласый элегантный полковник Мишель Суре.

Неожиданно в проеме вагонной двери появляется молодая женщина. Ее прекрасная фигура явно контрастирует с ее некрасивым, почти мужским, лицом. Это дочь Мишеля – Мари Суре.

Среди немногочисленных встречающих своей одеждой и внешним видом выделяется уже известный нам журналист английских газет Ежи Токарский. Увидев Мари, он помогает ей с ее небольшим багажом. Между молодыми людьми завязывается непринужденная беседа.

Суре – Мне о вас в Париже говорила ваша подруга Марина.

Токарский – Марина, Марина ... Из «Фигаро»?

Суре – Нет из «Юманите»

Токарский – Нет, я ее не знаю.

Суре (Улыбается лукаво) – Знаете, она в «Юманите» перешла из «Фигаро».

Токарский – И что она вам наговорила?

Суре (Многозначительно улыбаясь) – Разное...

Токарский – Понятно, что еще от коммунистов можно было ожидать...

Суре (Увидев случайно незакрытый киоск с газетами) У вас есть русские деньги?

Токарский (Протягивая ей купюру) - Деньги здесь – советские.

Суре – Купите мне эту газету (Показывает на газету с фотографией Сталина).

Токарский – Вы читаете по-русски?

Суре – По-русски или по-советски?

Токарский – Деньги – советские, а написано по-русски.

Суре – Мне все равно. Я хочу фотографию посмотреть.

Токарский (Язвительно) – Еще насмотритесь.

Двухкомнатный люкс в гостинице «Москва». Суре одна в номере гостиницы.

Суре разглядывает фото в газете. Она фанатично влюблена в Сталина, так влюбляются молодые девушки в великих и обязательно знаменитых мужчин.

У нее эта болезнь давнишняя и застарелая.

Фотография Сталина в русской газете – её давно желанный фетиш.

Раздается стук в дверь. Суре прячет газету и открывает. Перед ней Токарский

Токарский - Можно?

Суре – Входите. Да, забыла, мы теперь на «ты». Входи.

Мари расположилась в кожаном кресле с ногами. Ежи Токарский сел за письменный стол. Пауза затянулась. Мари рассматривает журнал, мало заботясь о настроении своего гостя.

Токарский пытается нащупать общую тему для разговора.

Токарский – Марийка, ты знаешь, я недавно получил крайне интересную информацию. Оказывается, во время последнего приезда Черчилля в Москву состоялся матч: «СССР – Великобритания».

Суре (Листает журнал. Ей не очень интересно то, что говорит Токарский) – И во что же они играли?

Токарский - Трудно подобрать название для этой игры, но, по сути, Черчилль и Сталин делили пирог, который называется «Освобожденная Европа».

Суре (Не заинтересованная в разговоре, она внутренне напрягается, услышав любимое имя, продолжает листать журнал) – Не поняла.

Токарский (Рисует на листе бумаги, не замечая состояния Суре) – Ну, представь. Черчилль и Сталин играют на поле освобожденной Европы. И, к примеру, Черчилль обводит Сталина и фиксирует, что Греция принадлежит Англии на 90 процентов, значит, Советам только на 10. А в Румынии, тут уж финтит Сталин, все наоборот – у Англии только 10 процентов. В Болгарии 75 на 25 в пользу Русских, а в Югославии у них хуже: 40 на 60.

Суре (Заинтересовалась, но делает вид, что ей скучно) – А зачем все это?

Токарский – Наверное, для удобства в торговле. 30 процентов Венгрии Черчилль обменял на 40 процентов Югославии. Сталин потребовал добавить чуть-чуть, процентов пять Чехословакии.

Суре – И чем закончился матч?

Токарский – Заклятые друзья пожали друг другу руки над составленной ими ведомостью миллионов судеб.

Суре (В ней нарастает внутреннее раздражение) – И что же в этом тебе не нравится?

Токарский (Постепенно тоже «заводится») – Не нравится!? А кто сказал, что мне это не нравится? Я в неопишемом восторге. Я рад так же, как ты и миллионы других, очарованных освободительной миссией Сталина. Думаю, правда, дым войны скоро осядет, очарование новизны пройдет. Настанут серые и суровые будни. Останется то грязное и мерзкое, что сегодня кажется мелочью и пустячком. И в итоге все получают то, что у русских называется «иго» - неволя.

Суре (Зло, соскакивает с кресла и начинает ходить по комнате) – Ты злобен, необъективен и несправедлив. Тебе надо почаще смотреть в окно. Сегодня те самые миллионы, о которых ты так печешься, искренне благодарны Сталину. Они мечтают жить, осознавая, что этот величайший из людей заботится о нас (поправляется смущенно)... о них. А ты ...(не находит слова) ...несправедлив до подлости.

Токарский (Понимает, что спровоцировал ссору, но не желает отступить без боя) – Из всего того, что ты тут наговорила, верно только одно – миллионы мечтают жить. (Пытается обнять Суре, она уклоняется.)

Токарский – Ладно, не будем спорить, пойдем, пройдемся. День сегодня почти летний. Мне все равно нужно в американское посольство. Приехал спецпредставитель Президента Гопкинс, я его знаю еще по Тегерану и Ялте. Может быть, удастся взять интервью.

Суре (Тихо) – Пошли.

Токарский (Громко кричит куда-то вверх) – Мы ушли!

Центр Москвы, Токарский и Суре идут вдоль Манежа, они продолжают свой давно начатый и никогда не прекращающийся спор. Плечистые мужчины в шляпах, меняясь, неотступно следуют за ними.

Токарский (Обращаясь к Суре, глазами показывает на агентов) – А вот и появились наши долгожданные дуэньи, сопровождающие неприступную Изабеллу, тщетно охраняя потенциальную жертву Дон Жуана ...

Суре (Не обращает никакого внимания на слова Токарского, она увлечена своими мыслями) – В твоих рассуждениях, Ежи, не сходятся концы с концами. Если русский народ так угнетен и несправедлив, как ты постоянно говоришь, так почему он с таким отчаянием и героизмом на протяжении многих веков защищает эту страну?

Токарский (Утрируя манеру плохих преподавателей) – Это хороший вопрос. Чтобы ответить на него, нужно увидеть неочевидное. Все становится понятным, если мы будем исходить из того, что до большевиков Россия была колонией. Она триста лет терпела татарское иго, враждебную для неё и угнетающую власть. И после татар Россия осталась колонией. (Увлекается, говорит громче, жестикулирует) Только место Золотой Орды заняли свои национальные кадры, элита. Все остальные так и остались рабами. Большинство из них не отличались от своих хозяев ни по цвету кожи, ни по вере, ни по языку. Называли их – «быдло», и подлый, то есть по-русски - простой крестьянин из низов мог стать человеком только на войне. Своим героизмом он мог вырваться из рабства. Это был его шанс. Конечно, им могли воспользоваться немногие, но возможность такая была.

Суре (капризно) - Все это история. К чему она сегодня?

Токарский (Немного подумав) - Удивительная страна. Эту страну не понимают не азиаты, не европейцы. Не понял ее и ваш Наполеон. Он думал, что принесет этому народу свободу, и его встретят как мессию. А его выгнали в шею.

Суре – Почему?

Токарский – Потому, дорогая Марийка, что колонию невозможно наградить свободой. Любой вторгшийся иноземец воспринимается рабами как еще один очередной гад, желающий сесть на их шею.

Суре – Так вот, коммунисты и освободили Россию!

Токарский (Устало, ухмыляясь) – Да, пожалуй. Ты почти права. Коммунисты дали людям то, чего они в этой стране были лишены веками - самоуважение. Точнее, они подарили им иллюзию собственной значимости. Сталин врал и врет здесь всем и каждому о его высоком предназначении, о неизмеримой ценности и важности всего, что им делается сейчас и еще более того, что будет сделано. И его любят истово, любят так, как в этой стране не любили никого. (*Суре слушает с огромным вниманием*). Человеку, которому еще тридцать лет назад давали пинка под зад, если он случайно оказывался в вагоне первого класса, сегодня предоставляется право искренне поверить в государственное признание своей избранности, в свое высокое предназначение, в то, что он не человек-тесто, а человек-дрожжи.

Суре (Искренне, горячо) – И что в этом плохого? Это же прекрасно!

Токарский (Раздраженно) - Неужели ты не понимаешь, что это тот же фашизм, только наряд другой? Один людоед сплотил бюргеров на завоевание мира, объяснив им на пальцах богоизбранность их нации. Другой каннибал сделал то же самое, но при этом уверил всех в том, что человек, занятый физическим трудом, сразу получает самые правильные и передовые...мозги. И вот вам результат. Одни горды своим пролетарским происхождением не меньше, чем другие кичатся родословной от Зигфрида. И те, и другие искренни в своей, никакими сомнениями незамутненной, вере. И те, и другие, прочитав по слогам пару опусов своих кумиров, готовы огнем и мечем нести эту, открывшуюся им неожиданно, святую правду всему остальному человечеству. Только у одних это называется тысячелетний рейх, а у других всемирная пролетарская революция.

Суре – Но ведь не русские напали, они защищались.

Токарский – И на Польшу не они, и от Финляндии они защищались. Польшу они разорвали с Гитлером «на двоих», как два волка из одной стаи.

Суре – А Польша?

Токарский – Что Польша?

Суре - А Польша не разорвала с Гитлером, как ты говоришь «на двоих», Чехословакию, когда ввела на её территорию войска за несколько часов до вступления немцев в Судеты? Тогда твой любимый Черчилль назвал твоих любимых поляков шакалами.

Токарский – Ну, во-первых, Черчилль не мой любимый, а во-вторых, ты-то откуда об этом знаешь?

Суре (Смущена сильно) – Случайно слышала, папа с кем-то обсуждал.

Суре и Токарский останавливаются около Дома Пашкова, и он глазами обращает внимание спутницы на вереницу машин, въезжающих в Кремль.

Машины идут на высокой скорости, меняясь местами во время движения. Плечистые в шляпах подтягиваются ближе и находятся от молодых людей на расстоянии вытянутой руки.

Токарский (Тихо) – А вот и он.

Суре не поняла то, что сказал ей Токарский, в её глазах любопытство и немой вопрос.

Токарский (Громче) – Это твой усатый кумир едет. Счастье всем везет.

Кабинет Сталина в Кремле. За столом несколько человек в форме, среди них Берия, Микоян, Маленков, Тимошенко.

Сталин (Прохаживаясь около стола) – Последние события показывают, что мы правильно определили особенность текущего момента. Империалисты Англии и США не меняются, да и не могут изменить своей эксплуататорской сущности. Сейчас они пытаются украсть у нас нашу победу. Но это у них не получится, мы всё понимаем ... (и здесь, пожалуй, неожиданно для него самого, как бы срывается)... и помним.

Взгляд Сталина останавливается на лице Тимошенко. Глаза Сталина желтеют, кадр становится постепенно цвета светлой желчи. Камера отъезжает, и в кадре утро 27 июня 1941 года, кабинет Тимошенко в наркомате обороны. На стене оперативная карта, около неё, внося изменения, работают три офицера.

Сталин (Глядит на то, какие изменения происходят на карте на его глазах, еле сдерживая бешенство) – Товарищи, мы здесь для того, чтобы ознакомиться с оперативной обстановкой и выработать меры...

Тимошенко делает знак, и в кабинете остаются Сталин, Берия, Молотов, Маленков, Тимошенко, Жуков, Ватутин.

Сталин – Товарищ Жуков, доложите, что вы делаете для стабилизации обстановки под Минском.

Жуков – Я не готов докладывать.

Сталин (Жестко) - Вы должны все видеть и постоянно быть готовым держать нас в курсе событий. А вы растеряны, боитесь сказать нам правду.

Жуков (Жестко) – Разрешите продолжить работу.

Берия – (Язвительно) - Вы хотите показать, что мы вам мешаем?

Жуков (Не обращая внимания на Берию, обращается к Сталину) – Командующие фронтами ждут от нас указаний, минуты решают многое. Обстановка сверхкритическая. Поэтому мы все должны сделать сами – наркомат и Генштаб.

Берия – А мы? Мы тоже можем дать указания.

Жуков – Дайте, если можете.

Берия (Глядя на Сталина) – Если поручит ... партия – дадим.

Жуков (по слогам) – Это только если поручит.

Тимошенко (Взволновано, почти в испуге) – Товарищ Сталин, в первую очередь мы должны помочь фронтам, а по результатам будем информировать вас.

Сталин (Скисая, отрешенно, по инерции) – Вы делаете очень грубую ошибку, вы отделяете себя от нас. Надо помогать фронтам вместе. (Машет

рукой, говорит очень тихо) Пойдемте, действительно, пусть они разберутся сами.

Растерянный взгляд Сталина пересекается с испуганным взглядом Тимошенко.

Взгляд Тимошенко не меняется, но цвет желчи исчезает, и вновь кабинет Сталина.

Сталин (Держит трубку в руках, прохаживаясь за спинами сидящих за столом) – Да, мы ничего не забываем. Мы помним все, что касается открытия второго фронта. Американцы и англичане ждали, когда мы истечем кровью. И никакие подачки по ленд-лизу не искупят их вины. Мы не торгуем кровью советских солдат. Сегодня основная задача – Дальний Восток, разгром милитаристской Японии. Это главное... на сегодня. Но никто не имеет права забывать и о завтрашнем дне. Укрепление дела мира требует постоянной нашей заботы. Европа должна постоянно это чувствовать. (Обращается к Берии) Да, товарищ Берия, крайне важно постоянно, не замедляя темпов, чистить Европу от всякой окопавшейся там белогвардейской сволочи и наших явных и скрытых врагов. Как нам в этом помогают наши (Усмехается в усы) союзники?

Берия – Помогают. Энтузиазма, правда, проявляют маловато.

Сталин смеется, за ним и все остальные.

Весна 1945 года. Австрийские Альпы. Отряд английских альпийских стрелков приближается к одинокому дому на пригорке. Офицер, очень похожий на хорошо одетого господина, присутствовавшего на совещании польского подполья, но не он, в сопровождении двух солдат стучится в дверь. Им открывают, и они входят. Помещение внутри напоминает русскую избу. У печи стоит старуха, что-то готовит. За столом у самовара сидит старик с большой белой бородой и густыми «казацкими» усами. Он чем-то похож на русских святых, как их рисуют на современных иконах. Офицер садится напротив и достает бумаги. Говорит по-английски.

Офицер – Вы говорите по-английски?

Старик – Плохо, давно не практиковался, но вас я пойму.

Офицер - Ваша фамилия (Коверкает) Покровский?

Старик – Так точно, Покровский Константин Георгиевич.

Офицер - Да, так. Вы эмигрировали из России в 1923 году.

Старик – Так точно.

Офицер - А до этого вы служили в Белой Армии?

Старик (Гордо, расправляя плечи) – Служил под началом генерала Деникина во Втором Казачьем корпусе.

Офицер - Все сходится. Вам и вашей семье на сборы дается полчаса, вы пойдете с нами.

Старик – Куда?

Офицер - У меня приказ сопроводить вас и вашу семью в Зальцбрук.

Старик (По-русски) – Ольга, значит это правда, а не досужие бабьи сплетни, англичане нас отдадут ЧК.

Офицер (По-английски) - Не понимаю.

Старик (На плохом английском) – А что тут понимать. Наши союзники по святой борьбе с совдепией решили нашей кровью скрепить дружбу с большевиками. А своих матросов, которые высаживались в 18 году в Архангельске, вы тоже выдаете Берии?

Офицер - У меня приказ.

Старик – Чей приказ, Сталина?

Офицер молчит.

Старик (Подходит к горке, копается, достает шкатулку, из неё достает орден, протягивает его офицеру) - Орден Бани, пожалованный мне Его величеством королем Георгом Шестым, на грудь повесить или как?

Офицер – У меня приказ.

Старик (по-русски) - А баб за что? Они-то чем виноваты?

Офицер - Собирайтесь.

Старик (по-русски) – Нищему собраться, только подпоясаться. Ольга, пошли, ты давно в город хотела.

Мост. По мосту проходит граница между английской и советской оккупационными зонами в Австрии. На английской стороне не очень большая группа стариков и женщин с детьми. Мужчин мало. Здесь находятся старик и старуха, мы видели их в предыдущем эпизоде.

На мосту стоят английский и советский офицер. Они о чем-то разговаривают, листая бумаги, улыбаются. Бумаги остаются у советского офицера. Англичанин делает приглашающий жест. Группа задержанных медленно двигается к мосту.

На середина моста женщина с ребенком на руках прыгает в реку. Толпу окружают советские солдаты.

Те же, в строю, находятся уже на советском берегу. Стариков и мужчин отделяют и выстраивают в ряд. Их отводят и расстреливают. Английские солдаты наблюдают за расстрелом.

Токарский и Суре идут по Садовому кольцу, приближаясь к американскому посольству.

Токарский - Сталин уже показал, что от него можно ждать. В Польше русские пригласили на переговоры в штаб Жукова шестнадцать офицеров Армии Людовой, дав им все гарантии безопасности. И где они? Сегодня этого не знает никто.

Суре – Может быть, у тебя просто нет информации, или ты так остро это переживаешь потому, что ты поляк.

Токарский – Да, мой отец поляк, хотя в моих жилах течет кровь многих народов, и русская есть. Не в этом дело, не в национальности. Это ты можешь не понимать, кто такой Сталин. Черчилль этого не понимать не может. Не может. Играя с этим усатым тираном в сомнительные игры, он становится соучастником его нынешних и будущих преступлений. Дай Бог, чтобы я ошибался.

Суре (Тихо) – Дай Бог, чтобы ты ошибался. *(Громче)* Мне вообще кажется, что ты сурово заблуждаешься. Мир меняется. Лозунги, идеи Французской революции наконец-то начинают реально жить. Свобода не на словах, свобода не для избранных, а для всех, права не только для богатых, в этом - равенство и в этом братство. И где-то рядом обитает счастье.

Токарский – Да, да, конечно, мы все за равенство с теми, кто нас превосходит. Это ты хорошо сказала: из равенства прямой путь в счастье. А ты не думала, что нужно будет отдать взамен?

Суре – Не понимаю, почему что-то нужно отдавать взамен?

Токарский – В этом мире платить надо за все, в том числе и за идиотские иллюзии. Ты, и те, кто думает так же, как ты, считаете, что под мудрым сталинским руководством вы обретете всеобщее счастье. Но готовы ли вы жертвовать?

Суре – Чем?

Токарский – Свободой, например. Не свободой для всех, которой не бывает, а своей личной свободой. Возможно, все идет к тому, что скоро все мы будем равны... после соответствующей обработки. Сотрется грань между городом и деревней, между мужчиной и женщиной. Кто-то сказал, что свобода - это право на неравенство. Подумай об этом на досуге.

Молодые люди подошли к посольству США. Широкоплечие в шляпах делают соответствующие перестроения.

Токарский – Ладно. Я не очень испортил тебе настроение?

Суре (Искренне) – Очень.

Токарский – Прости.

Суре – За что? Ты относишься к той породе людей, которые во всем видят только плохое. Ты не хочешь понять, что люди в большинстве своем жаждут справедливости и равных возможностей. Человек, его труд, его способности, а не папины деньги, должны определять то место, которое он займет в обществе. В этом главное, что меня лично привлекает в коммунистах. Ты ставишь знак равенства между Сталиным и Гитлером. Это чужь. Сталин – это добро. Гитлер – это зло. И добро, наконец, победило зло. Не провожай меня. *(Уходит)*

Токарский, сопровождаемый взглядами широкоплечих в шляпах, проходит в американское посольство.

Американское посольство.

В кабинете со всеми атрибутами американской обстановки середины сороковых годов, свободно расположившись в мягких креслах, беседуют Гарри Гопкинс и Ежи Токарский.

Гопкинс – Конечно, я не могу отказать вам в такой малости, как интервью. Я перед вами в долгу. Мы не забыли и весьма признательны вам за информацию о дружеских слушаниях, организованных Сталиным в Ялте. *(Улыбается)* Ну, и кроме того, наши интересы совпали, я тоже заинтересован во встрече с вами. Но начнем с ваших вопросов.

Токарский – Первый вопрос очевиден. С чем связан ваш визит в Москву?

Гопкинс – Вы в курсе развития событий на конференции по Объединенным нациям в Сан-Франциско?

Токарский – В самых общих чертах.

Гопкинс – На этой конференции советский министр Молотов повел себя достаточно странно. Он беспричинно отверг договоренности, достигнутые главами стран-победительниц в Ялте. Самое главное, русская делегация настойчиво пытается протащить право постоянных членов на «вето» при постановке вопросов в Совете Безопасности.

Токарский – А что это им дает?

Гопкинс – Вот этого мы до конца и не понимаем. Ясно только одно. При регламенте, на котором настаивает Молотов, действия любой из стран - постоянных членов Совета Безопасности не только не могут быть осуждены Объединенными Нациями, но даже могут не стать предметом обсуждения.

Токарский (Задумался) – Теперь понятней. *(Его осенила догадка, он оживает)* Конечно же. Именно так! Агрессия, совершенная великой державой при этом регламенте не только не осуждается, но и не обсуждается.

Гопкинс – Да, принципиально вы правы, но нам хотелось бы думать, что у русских другие намерения.

Токарский – И вы здесь попытаетесь снять эту проблему, апеллируя непосредственно к Сталину.

Гопкинс – В общем-то, да.

Токарский – Чем же я могу быть вам полезен?

Гопкинс – Я считаю вас одним из лучших специалистов по России. До сих пор я нахожусь под впечатлением вашего прогноза периода осени 1941 года. Вы были одним из немногих, если не единственным, кто предсказал поражение немцев под Москвой. Объективно все было против русских. Откройте секрет вашей проницательности.

Токарский (Улыбается) – Секрет... Нет тут никакого секрета. Русскую классику надо читать. Мало кто на Западе знает русского поэта Михаила Лермонтова. А у него в поэме «Бородино», посвященной битве с наполеоновскими войсками в 1812 году, описан чисто русский принцип ведения войны: *(декламирует)* «И ядрам пролетать мешала гора кровавых тел». Принцип сохранился, только уже в 41-м не «ядрам пролетать», а танкам проходить мешала эта самая «кровавая гора».

Гопкинс – Да, потери русских просто ошеломляющи, на одного убитого немца приходится шесть русских.

Токарский – И это, на мой взгляд, объясняет многое. Победить армию, которая не считает своих потерь, в современной войне практически невозможно. Кроме того, эта страна изначально коммунистами была выстроена для войны, она и в мирное время постоянно находилась и находится в бою, в борьбе, на марше. Советскую империю невозможно победить силой, здесь все замешано на противодействии и противостоянии внешнему миру. Стабильность - вот что ей противопоказано, она не может существовать, не надсажаясь и не надрываясь... Но, все-таки, чем же я могу быть вам полезен?

Гопкинс – Вы интересуете нас, как аналитик. По имеющимся у нас сведениям, часть русского генералитета вынашивает планы захвата Западной Европы. Это для вас, наверное, не новость.

Токарский – Нет. Только не думаю, что в этой стране кто-то может вынашивать что-либо, в том числе и какие-то планы. Здесь все вынашивает один, только Он, Великий. А то, что этот вариант развития ситуации принципиально возможен, понимают многие. Насколько я знаю, такой сценарий стал занимать Черчилля сразу после открытия второго фронта. Он даже предпринимал кое-какие практические действия, вызвавшие неудовольствие Сталина.

Гопкинс – Да, да. Но сегодня мы связываем позицию, занятую русскими на конференции в Сан-Франциско, с возможностью именно такого варианта развития событий.

Токарский – Мне представляется, что, поведение «железной жопы» на конференции совершенно ни о чем не говорит.

Гопкинс – Простите, не понял.

Токарский – Это вы меня извините, так Ленин ласково называл господина Молотова. Я давно слежу за карьерой и поведением этого верного ленинца, и могу сказать, что из его слов и поступков совершенно ничего не следует. При всей внешней напускной солидности, он не более, чем марионетка в руках Сталина. *(Пауза. Токарский задумался)* Но, если предположения оправдываются, то должны быть и более серьезные симптомы подготовки нападения, чем риторика господина Молотова.

Гопкинс – Нет, нет! Именно появление таких, как вы выражаетесь, симптомов надо попытаться избежать. Да, мы понимаем, ситуация объективно подталкивает Сталина к тому, чтобы попытаться реализовать идею *(вспоминает слова)* всемирной пролетарской революции. Европа сегодня захлебывается от восторга от его освободительной миссии. В Италии и Франции коммунисты представляют собой едва ли не самые влиятельные политические силы. Но это все одна сторона медали. Существуют и противовесы. Наша задача их усилить. Наша главная задача - выиграть время.

Токарский – Сколько вам нужно времени?

Гопкинс (Криво улыбаясь) – Не вам, а нам, дорогой Ежи. Нам всем нужно, я думаю, год.

Токарский – А что изменится за этот год?

Гопкинс – Многое. Самое главное, будут запущены механизмы мирной жизни. Вы же сами говорили о том, что стабильный мир противопоказан этой системе.

Токарский – И мир по вашей схеме будет сохраняться до тех пор, пока где-нибудь не появится новый фюрер.

Гопкинс – Кто это может знать? Возможно. *(Пауза)* Кстати, о фюрере. Сталин почему-то упорно не хочет признавать очевидный факт самоубийства Гитлера.

Токарский – Занятно.

Гопкинс – Гарриман и я склоняемся к тому, что это очень важная деталь его поведения. Откровенный блеф на таком высоком уровне явление редкое, если не сказать, уникальное. Сталин, очевидно, вынужден вести себя именно так. Это, как мне представляется, крайне не характерно для него. Но что за этим стоит? Я бы дорого дал для того, чтобы узнать внутренние пружины этой интриги.

Токарский – Скажу прямо, у меня нет ни информации, ни продуктивных идей.

Гопкинс – Да, вопросы не из простых. Но мы рассчитываем на вас.

Токарский – И последнее, если позволите.

Гопкинс – Да, конечно.

Токарский – Будете ли вы ставить перед Сталиным вопрос о судьбе шестнадцати офицеров Армии Краёвой, захваченных русскими под Варшавой. Вы знаете об этой подлости?

Гопкинс (Недоволен, голос его меняется, становится строже) – Да, я знаю об этом факте. Будем пытаться выяснить причины инцидента и, возможно, что-то сделать. Об этом нас просили и англичане.

Токарский – Спасибо.

Зал в Кремле. Идут переговоры. Делегации США и СССР расположены по разные стороны стола. Во главе делегаций Гопкинс и Сталин.

Сталин – Я бы не стал демонизировать образ товарища Молотова. Что-то он, возможно, напутал. Наши эксперты еще раз рассмотрят представленные вами материалы, и если эти вопросы были решены в Ялте, то телеграмма уйдет сегодня же *(Широко улыбается)*. Слова Молотова - это же чепуха или недоразумение. У нас есть более серьезные вопросы. Нас очень беспокоит будущее Польши.

Гопкинс – Маршал Сталин, наша позиция заключается в том, что Польша не так уж важна сама по себе. Я не могу позволить себе столь сильные выражения, которые только что употребили вы, но думаю, что

проблему Польши нужно рассматривать только в контексте отношений между великими державами.

Сталин – Тогда эту проблему нетрудно будет решить. Мы удовлетворены вашей конструктивной позицией. Поэтому хотели бы здесь подчеркнуть недопустимость возрождения «санитарного кордона» вокруг СССР, стремление к нашей изоляции явно просматривается в политике, проводимой Великобританией.

Гопкинс – Мы не уверены в том, что правительство Его Величества действительно стремится к изоляции Советского Союза, но могу заверить вас, что Соединенные Штаты не ставят подобных целей.

Сталин – Прекрасно. При этом для нас решающим остается вопрос о польском правительстве. Мы хотим видеть во главе Польши людей, не только не проводящих враждебной политики к Советскому Союзу, но более того, настаиваем, чтобы эту страну возглавили наши искренние друзья.

Гопкинс – Мне представляется, что Президент поддержит Вас в этом стремлении. *(Пауза)* Одновременно мы предполагаем, что определенные шаги, сделанные навстречу той части польского общества, которая традиционно ориентирована на Запад, могли бы способствовать развитию ситуации в благоприятном для союзников по антигитлеровской коалиции общем направлении.

Сталин – Например?

Гопкинс – Мы и наши английские коллеги предполагаем, что освобождение шестнадцати польских офицеров, задержанных Советской администрацией, поможет снять груз ненужного напряжения.

Сталин *(На секунду каменеет. Бросает взгляд в сторону Берии. Но затем справляется с собой и принимает позу «отца народов»)* – Я знаю об этом вопросе и не понимаю, почему англичане придают этому мелкому факту столь большое значение. Эти лица задержаны за конкретные враждебные действия против наших войск, находящихся в Польше.

Гарриман – Но если этот факт столь незначителен, как вы говорите, то, может быть, освобождение этих лиц не представляет большой проблемы.

Сталин – Нет, проблема существует, но она - в другом. Задержанные предстанут перед судом. Не в моей власти как-либо влиять на суд. Вы меня понимаете?

Гопкинс – Да, да, конечно. Но не думаете ли вы, что было бы не вполне правильным полностью не учитывать мнение английской стороны, которое мы разделяем?

Сталин – Мы всегда учитывали и учитываем мнение англичан в вопросах, входящих в сферу совместных интересов. *(Пытается изобразить улыбку)*. Кроме того, думаю, что приговор будет достаточно мягким.

Гопкинс – Я повторюсь, нам представляется, что все польские вопросы, в том числе и этот, мы хотели бы рассматривать только в аспекте улучшения взаимопонимания между великими державами. Польша важна, но не сама по себе.

Кабинет Сталина в Кремле. В этой сцене света значительно меньше. У стола стоит Сталин, и сидит Берия. Говорят по-грузински.

Сталин – Какие последние сведения о бомбе?

Берия – Они начали готовить испытание.

Сталин – Сколько времени у нас?

Берия – Думаю, что это лето и, возможно, осень. Пока ситуация складывается в нашу пользу. То, что вызывало наибольшую тревогу - безопасность транспортных коммуникаций через Польшу, обеспечена практически полностью. Войска (*подавляет смехок*) ... союзников наслаждаются прелестями мира. Черчилля ты одернул, немецкие части он больше не собирает, мы это проверили. Все население, включая мелких лавочников Италии и Франции, жаждет ощутить прикосновение твоей теплой отеческой руки.

Сталин молча ходит по кабинету. В нем нарастает раздражение.

Берия – Положение благоприятствует, Коба.

Сталин (В нем уже кипит злоба) – Да. Положение. Складывается. Благоприятствует. Кому оно благоприятствует?

Сталин смотрит в глаза Берии, повторяется эффект, который возник в сцене заседания в кабинете. Столовая на Ближней даче. Берия в форме образца 1941 года, Сталин во френче. Все постепенно становится желчно-желтым.

Берия (Тихо) – Ответ получен.

Сталин – И он не согласен?

Берия – Да.

Сталин – Подробности.

Берия – Коба, они ничего не меняют.

Сталин – Под-роб-но!

Берия – Он знает о плане «Гроза», к ним попали наши документы и карты. Эта макулатура не дает полного представления о масштабах операции. Хотя из них достаточно ясно, что мы готовились наступать.

Сталин – Это все?

Берия – Почти.

Сталин – Что еще?

Берия – Он сказал посреднику...Коба, ты все равно узнаешь... он сказал (*Тише и скороговоркой, по-грузински*) это усатое чучело ведет себя, как примитивный уголовник в ожидании неминуемого наказания. Тебя он обещал повесить.

Сталин – Все?

Берия (Выдыхает) – Да.

Сталин (После длительной паузы) – Ленин нам такую страну оставил, а мы ее просрали...

Постепенно цвет становится обычным, снова кабинет Сталина.

Сталин – Да, Лаврентий, ты его ищешь?

Берия – Ищем.

Сталин – Лучше ищи. (*Пауза. Зло ухмыляется в усы.*) Это надо же, решили Сталина обмануть. Прислали куски говна в банке. (*Длительная пауза*) Думали Сталина обмануть. Нет, не выйдет. (*Пауза*) Ищи Лаврентий. Ищи!

Берия – Ищем. Но (*Мнется*)... Коба, может быть еще раз проверить, может он действительно, того... отравился.

Сталин (*Четко и очень зло*) – Нет. Он не отравился. Он не застрелился и не повесился. Найди его, для меня найди.

Берия (*С энтузиазмом*) - Ищем.

Ложка Большого театра. В ложе Суре и Токарский. Рядом сидит старичок явно профессорского вида.

Суре – Ежи, я тебя прошу, давай хотя бы здесь обойдемся без политики.

Токарский – С удовольствием. (*Ехидно улыбается*) Политика будет на сцене. «Князь Игорь» - сочинение, посвященное горестной судьбе западного агрессора, попавшего в лапы восточного тирана.

Суре – С тобой просто невозможно.

Токарский – Возможно Марийка, и еще как возможно.

Звучат звуки увертюры оперы Бородина «Князь Игорь»

Суре – Тише.

Фрагменты оперы «Князь Игорь». Ария князя Игоря. Ария Кончака, половецкие пляски. Финал.

Токарский и Суре аплодируют стоя, здесь же старичок, все выстраиваются для выхода из ложи.

Старичок (*Обращается к Токарскому*) – Извините великодушно, но меня тронуло ваше замечание о сути этого произведения. Мне кажется мало тех, кто понимает, о чем эта опера.

Токарский – И о чем же она?

Старичок – Вы знаете, она о зачатках, первых ростках цивилизации.

Суре – Интересно.

Старичок – Подумайте, Кончак ведь не должен был так поступать с Игорем, здесь он ведет себя против правил. В те времена врага нужно было не только победить, но и уничтожить, и обязательно унижить. Тогда говорили – труп врага хорошо пахнет. Пили кровь побежденного, танцевали на животах его женщин.

Суре (*Искренне*) – Какая дикость!

Старичок – Да, конечно, дикость, но суть этого поведения была в другом. Вождь тогда был владыкой не только по праву наследования власти. Это право еще не устоялось. Он был первым потому, что был самым сильным и хитрым, умным и главное - самым беспощадным. Он лично, сам по себе, должен был превосходить вождей своих врагов. Так сказать в индивидуальном порядке. (*Смеется*) Хе...хе...хе...

Суре (С некоторым испугом) – Какие страсти!

Старичок – Дело не в страстях, точнее, не только в них. Зрелище унижения побежденного врага предназначалось для соплеменников, они должны были оценить могущество своего лидера. Борьба вождей имела в те времена огромный смысл. Личная победа значила для того же Кончака и его окружения не меньше, а может быть и больше общей победы. Можно было проиграть битву, нельзя было, как говорят китайцы, потерять лицо. И он должен был быть таким: могуч, свиреп и, простите барышня, вонюч! Вот такой портрет. И никаких сантиментов. (Смеется смехом счастливого эрудита, которого, наконец, выслушали)

Суре (Подозревая, что ее разыгрывают) – Фу!

Старичок – В те далекие времена, когда все было просто и ясно, все хорошо понимали, что со злом борется только зло. Не с добром воюет зло, а с таким же злом. Добро не воюет, поэтому оно и добро. «До-бро» - до брани, до войны, а за этой гранью уже зло. Это было всегда, и сегодня это так. До свидания, молодые люди. (Старичок исчезает из вида, закрытый двумя широкими спинами.)

Токарский и Суре идут по вечерней, почти ночной, Москве.

Суре – О чем ты думаешь?

Токарский – Я думаю о том, что наговорил нам этот старичок в театре. Возможно, он дал мне ключ.

Суре – Ключ от чего?

Токарский – Скорее, к чему, к пониманию того, что происходит сегодня.

Суре – А что происходит? Ты, как всегда, говоришь загадками.

Токарский – Человечество, которое привыкло называть себя цивилизованным, мыслит, в общем-то, достаточно примитивно, от этого и страдает. Взять, к примеру, эту догму об общественном прогрессе. Все, что не происходит, – все к лучшему. А не тут-то было. Все вокруг хорошо, и становится все лучше и лучше...И, вдруг, из глубины веков, из небытия, на поверхность жизни вырывается нечто чудовищное, дикое и страшное, давно забытое.

Суре – Что это?

Токарский – Это? Это – что угодно, дикая необузданная деспотия, например. Не хилая, между прочим, власть. Она построила египетские пирамиды, гигантские оросительные системы и китайскую стену возвела. Она стара, как мир, а ей срочно ищут новое название, придумывают какой-нибудь «изм». Социализм, нацизм.

Суре – Ты опять за своё...

Токарский – Да, опять! Когда какая-то страна подчинена воле одного человека, не ответственного ни перед кем, ни перед людьми, ни перед Богом, то она выпадает из круга, очерченного человеческой цивилизацией, – ведь деспотия это не государство.

Суре – А что же это?

Токарский – Это вакханалия, власть мафии, что угодно, но не государство. Здесь действует одно-единственное право, право силы, право «могучего и вонючего». Не знаю, кто из них самый вонючий... (*Замирает на миг и потом громко смеется.*) Да, да! Я понял, у него же комплекс... (*Токарский подхватывает Мари на руки и начинает кружить. Она соскакивает, поправляет платье.*)

Суре – Какой комплекс?

Токарский – Неполноценности!

Суре – У кого?

Токарский – У Сталина!

Суре – Ты в своем уме?

Токарский – Конечно! Свою личную войну с Гитлером он проиграл. Ефрейтор оказался коварнее, умнее, ... храбрее, наконец.

Суре - Ну, да! Ты - идиот! Сталин Мировую войну выиграл, а свою проиграл... Ты бредишь?!!

Токарский (*Постепенно увлекаясь, говорит все громче*) – Да нет, Сталин сделал все возможное, чтобы проиграть эту войну. (*Загибает пальцы*) Он проявил трусость, оставив на неделю дезорганизованную нападением немцев страну без управления. Он оказался бездарным стратегом, позволив Гитлеру как минимум дважды крупно провести себя и в 41-м, и в 42-м. Летом 41-го он был в шаге от того, чтобы учинить Гитлеру тот разгром, который в июле получил от него. Он это знает, и это же знает и понимает его ближайшее окружение. Был момент, когда он просто потерял лицо. Именно поэтому сегодня ему нужен Гитлер. И именно живой, чтобы содрать с него кожу и наделать дудок из его костей. Как он ему нужен! Сталин уже не может ему ответить так и не совершенным выездом в действующую армию. Он, считающий себя вождем мировой революции, внутренне кипит от своего вынужденного союза с западными демократиями. Сталин наверняка помнит каждую мелочь своего унижения от своих многочисленных просьб к союзникам о помощи. Он ведь видел - Гитлер не просил, Гитлер брал по праву могучего и свирепого. Они оба мерзавцы, но Гитлер в этом личном соревновании оказался первым. Гитлер гад номер один, и Сталин – гад, но номер его только второй.

Суре – Ты сошел с ума. Не могут миллионы, готовые отдать за Сталина свои жизни, заблуждаться. Ты – псих-одиночка.

Токарский – Я думаю, что по поводу искренности народной любви и желания отдать за него жизни без заградительных отрядов, у «отца всех народов» иллюзии исчезли после 17 октября 41 года. Я был в эти дни в Москве и видел искренние проявления «настоящей любви» к тирану - москвичи штурмовали поезда в естественном желании спасти себя, а не твоего усатого кумира. Поэтому оборону Берлина Гитлер тоже мог бы записать в свой личный актив.

Суре – Ты рассуждаешь, как ...фашист (*Быстро уходит*).

Токарский осматривается и неожиданно для себя понимает, что он оказался у Американского посольства. Входит в него. Несколькими секундами позднее на другой стороне Садового кольца останавливаются две черные машины. В них - широкоплечие в шляпах. По их виду можно определить, что они опоздали.

Американское посольство. В том же кабинете те же - Гарри Гопкинс и Ежи Токарский. Они уже давно беседуют. Сигара Гопкинса погасла, кофе выпит.

Токарский - Он наверняка сейчас ищет способ компенсации. Сталин сам вырастил и воспитал свое окружение. Они порвут его, как только почувствуют хотя бы минимальный признак слабости у вождя мировой революции. А у него уже нет былой уверенности, он потерял свой кураж непревзойденного злодея. Поэтому он будет всеми способами и доступными ему методами поддерживать видимость того, что его личная война с Гитлером еще не закончена. Лично для него Гитлер продолжает жить. Эта ложь нужна Сталину. Только ему лично и больше никому. И очень может быть, что он сам искренне верит в то, что его зеркальное отражение живо.

Гопкинс – *(Улыбается, качает головой)* Комплекс неполноценности у великого Сталина... Невероятно смелая и интересная гипотеза. И как вы теперь оцениваете вероятность советской экспансии в Европе?

Токарский – Пожалуй, никак. Думаю, что советский деспот сегодня будет занят упрочением своего положения. После победоносных походов в Европу у русских монархов обычно возникали огромные внутренние проблемы. Сталин не может быть уверен в том, что Европа в очередной раз не развратит русских офицеров и солдат. *(Пауза)* Простите, я хотел узнать что-нибудь о судьбе шестнадцати польских офицеров, захваченных русскими под Варшавой.

Гопкинс – К сожалению, у меня нет для вас хороших новостей. По нашим данным этих людей уже нет в живых.

Токарский (Явно срываясь, с сарказмом) – И как вам после таких новостей беседуется с Маршалом Сталиным?

Гопкинс (Резко) – Скажу честно, я не ожидал от вас вопроса в такой постановке и тональности. Это вопрос дилетанта. Очень плохо, если вы, профессионально занимаясь проблемами, связанными с дипломатией и международной политикой, до сих пор не поняли, что все, что окружает нас в этом сложном мире - результат того зла, которое совершило добро и добра, содеянного злом.

Звонит телефон. Гопкинс берет трубку. Разговаривает тихо.

Гопкинс обращается к Токарскому – Вас хочет видеть помощник военного атташе. Сожалею, что вам пришлось ждать меня, но сами понимаете – дела. Спасибо. До свидания.

Приемная кабинета Берия. На стене за столом огромный портрет Сталина, напоминающий фотографию в газете, которую Токарский купил Суре.

Из кабинета двое под руки выносят человека, отдаленно напоминающего старичка, соседа Токарского и Суре по ложе в Большом театре.

Мимо проводят Суре. Она испугана, видно, что ее били, платье порвано, она пытается прикрыть грудь.

Кабинет Берии. Улыбающийся Берия, потирая руки, выходит из-за стола.

Суре – (Пытается закрыться от протянутых Берия рук) Не бейте меня, я все рассказала. Я больше ничего не знаю.

Берия – Я знаю, что ты больше ничего не знаешь. (Подходит вплотную, кладет руки на плечи и ставит Суре на колени). То, что ты знаешь, не только рассказывать, слушать нельзя. (Последние слова растягиваются, глаза Берия полузакрыты, на губах, сладострастная, похотливая улыбка. Рукой толкает голову Суре. Говорит по-грузински, растягивая слова) Европа... Хороша...

Суре, увидев портрет, теряет ощущения реальности. Ей кажется, что она целует своего любимого, а волосы лобка Берия – это усы любимого Сталина.

Берия, застегивая брюки, отходит к столу, Суре со склоненной головой продолжает стоять на коленях. На ее устах безумная улыбка. Губы шепчут: «Иосиф»

Берия нажимает кнопку звонка, входят двое, по указующему жесту Берия выносят Суре.

Берия – (по-русски) Хороша. Европа.

Берия нажимает другую кнопку. Входит молодцеватый майор.

Берия – Ликвидировать.

Майор заискивающе-выжидательно смотрит на Берия.

Берия – (Понимающе улыбается) Можно.

Майор – (Подчеркнуто картинно отдает честь) Есть! (Уходит, почти печатая шаг).

Берия садится за письменный стол. Играет, скрепкой.

Берия – Хороша. Европа. Ликвидировать. Можно. Хорошо можно ликвидировать Европу. (Доволен получившимся каламбуром).

Одно из помещений американского посольства. Молодой человек в штатском встает, приветствуя входящего Токарского.

Конквист – (протягивая руку) Конквист, Роберт Конквист.

Токарский – Ежи Токарский.

Конквист – У меня плохие новости, мистер Токарский. Ваша знакомая мисс Суре погибла.

Токарский – Не может быть. Мы расстались (*Смотрит на часы*) около пяти часов назад.

Конквист – И тем ни менее ее труп полчаса назад был предъявлен для опознания ее отцу. Она стала жертвой автомобильной катастрофы.

Токарский – Автомобильной катастрофы где, в пустой Москве, где все машины можно сосчитать по пальцам одной руки? Это чушь, бред какой-то. (*Внимательно всматривается в лицо Конквиста, оно ему откровенно не нравится*) А вы откуда все это знаете?

Конквист – Долг службы. С тех пор, как вы вошли в контакт с мистером Гопкинсом, мы были обязаны интересоваться вами и вашим окружением. (*Пауза*) Я настоял на нашей встрече не для того, чтобы сообщить вам эту скорбную весть, вы бы узнали ее и без меня, правда, только в том случае, если бы не разделили участь мисс Суре.

Токарский – Что вы имеете в виду?

Конквист – Вами обоими заинтересовались органы безопасности этой страны. Я могу предполагать, почему.

Токарский – И почему же?

Конквист – Вам, мистер Токарский, кроме эрудиции и хороших аналитических способностей, свойственна еще и молодецкая бравада, желание покрасоваться перед дамой. При этом вы не думаете о последствиях. Ваше поведение в последние дни было, мягко говоря, неразумно. В стране, где даже стены имеют уши, вы едва ли не кричали о проблемах, непосредственно затрагивающих авторитет советского вождя. Я знаю вашу версию причин, оказывающих влияние на поведение Маршала Сталина. Хочу вам заметить, что все врачи, обследовавшие психическое здоровье Сталина, бесследно исчезали. Ваш диагноз, поставленный ему, о котором вы едва ли не кричали на Садовом Кольце, не дает вам ни малейших шансов на выживание. Я крайне удивлен тем, что вы добрались до нас. Обычно они таких промахов не допускают.

Токарский – У меня нет шанса?

Конквист – Шанса у вас нет, но наша задача его создать. Самое главное, вы не должны предпринимать никаких самостоятельных действий. Если хотите жить. Пока вы останетесь здесь.

Кремль, банкетный зал. Банкет по поводу окончания переговоров. Сталин, Маленков, Жданов, Микоян, Коганович, и другие. Со стороны американцев Гопкинс, Гарриман и работники посольства.

Сталин с бокалом вина в одной руке, другой берет Гопкинса под локоть и подводит к Кагановичу. За ними следует переводчик, синхронно шепчущий на ухо Гопкинсу.

Сталин (Улыбаясь) – Позвольте представить вам товарища Кагановича. Он, безусловно, храбрый человек. Выпьем за него. (*Пригубил*) Он знает, если поезда не будут ходить по расписанию..., мы его расстреляем.

Не обращая внимания на выражение лица Гопкинса, изливающего мимикой лица свое недоумение переводчику, Сталин ведет его дальше. Останавливается около маршала авиации Новикова

Сталин - Представляю, маршал Новиков. Отличный маршал... Предлагаю выпить и за него. Но если он не будет хорошо выполнять порученную ему работу..., мы его повесим.

Сталин отводит Гопкинса в сторону от собравшихся.

Сталин (Улыбаясь очень по-доброму) – Мне кажется, что вы увидели то, что ожидали. По крайней мере, именно таким меня рисуют ваши газеты, таким меня представляют публике ваши политики. Я не буду никого разубеждать, только замечу, что, если я смеюсь над этими страхами, то может быть, я не так уж и ужасен.

Гопкинс и переводчик мучительно строят гримасу, похожую на улыбку.

Гопкинс и Гарриман в машине едут по ночной Москве.

Гопкинс – И что в результате? Чем же завершились наши шесть встреч с Маршалом?

Гарриман – По крайней мере, то, что Молотов изменил свою позицию на конференции в Сан-Франциско, это реальный результат.

Гопкинс – Аверелл, тебе не кажется, что наши достижения в этих переговорах со Сталиным напоминают удачную покупку коровы, которую нам один раз уже продали... Мне кажется это происходило в Ялте. Цена этой покупки достаточно велика. Кроме возобновления поставок по ленд-лизу, мы практически без борьбы и уступок со стороны Сталина отдаем ему Польшу. *(Пауза)* А ты знаешь, мне представляется, что во всем этом есть один положительный момент. То ожесточение, с которым Сталин отстаивает свое право победителя на Польшу, говорит о том, что рывка на Запад, скорее всего, не будет. Он стремится закрепиться на достигнутом.

Гарриман – Это далеко не бесспорно. Следуя этой логике, Сталин при подготовке нападения должен был бы разрешить ввести наши войска в Польшу. Мне более импонирует гипотеза этого молодого англичанина. Как его фамилия?

Гопкинс – Токарский. Ежи Токарский. Только он не англичанин, а скорее всего, поляк, работающий на несколько английских газет. Гипотеза его оригинальна и, возможно, продуктивна. Но она же чрезвычайно опасна. По крайней мере, ее тиражирование явно не соответствует нашим национальным интересам. Трудно даже представить, что произойдет, если рассуждения о комплексе неполноценности Сталина попадут на страницы наших газет. Как говорят англичане? «Не будите спящую собаку». А нам, кажется, придется научиться жить рядом с бодрствующим по ночам псом.

Гарриман – Интересная мысль. Ты знаешь, я подумал, что Сталин не переносит Черчилля не только за его неподражаемый юмор. *(Смотрят друг на друга и многозначительно улыбаются)*

Тот же аэродром под Москвой. Три машины заезжают на летное поле. Из барака за ними наблюдают широкоплечие в шляпах. Раздается телефонный звонок. Старший хватается трубку. Слушает, невольно вытягиваясь.

Старший - Есть, едем! Есть!

Еремин – Прохорыч, что случилось?

Старший – Ты, Еремин остаешься за старшего, с тобой Проворов и Васин. Остальные – по машинам! (Старший отводит Еремина в сторону) Иди на поле, если он в машине посольства, отсекай. Нужно захватить, Стрельбу разрешаю, единственное условие – не в направлении самолета и американских машин. Все.

Еремин – Так что... что случилось?

Старший – Сам ничего не понял. Хозяин неожиданно изменил маршрут движения по Москве. Нас сняли с задания, не хватает, видно, сил закрыть новые направления. Ладно, беги. Упустишь гада, головы тебе не сносить.

Еремин – Да брось ты. Не впервой.

Машины подъехали к самолетам. Провожающие жмут руку Гопкинсу и что-то говорят. В группе провожающих переодетый Токарский. Гопкинс заходит в самолет, закрывается люк. Самолет выруливает и взлетает. Все рассаживаются по машинам. Кроме Токарского. Машины уезжают. Токарский видит, как к нему направляются, стуча каблуками по бетонке, трое широкоплечих мужчин в шляпах.

Токарский (Громко, почти кричит) – Какой молодец мистер Конквист. Именно так и надо ... И не будет никакого скандала, бросающего тень на отношения великих держав.

В такт шагов идущих нему Токарский повторяет – Зло воюет со злом. Зло воюет со злом. Зло воюет со злом. (Тише и тише). Зло воюет со злом. Зло воюет со злом.

Токарского осенило, на краю гибели он осознает истину: - Интересно, а вы, оказывается, едины в своем решительном коварстве и отличаетесь только словами... Зло словами... воюет с добром.

Темнота.

«Высотка» на площади Восстания. Женщина-дворник, которую мы уже видели, с любопытством и страхом рассматривает "кавалькаду" машин, подъезжающих к огромному спящему дому. Она перебирается поближе к кустам, из-за которых ей видно, как из одной машины выходит Сталин и входит в дом, знаком остановив охрану на внешней лестнице.

Около дома беседуют двое в штатском.

Первый – Ничего не понимаю. Что случилось? За полчаса до вашего приезда он заехал на Белорусский вокзал, разговаривал с какой-то женщиной. Никто не знает о чем, спросить все боятся. Теперь приехал зачем-то сюда.

Второй – Он, наверное, кого-то ищет, не доверяя это нам.

Первый – А ты заметил, что под шинелью у него какой-то предмет? Похоже круглый.

Второй – Нет, не заметил. Лучше ничего не замечать.

Сталин подходит к большой двери в полутемном помещении под лестницей. Достает из шинели банку, смотрит на нее, задумался, потом решил. Стучится. Тишина. Снова стучит.

Женщина-дворник видит, как в доме загорается одно-единственное, её окно. Она порывается бежать, но останавливается, возвращается на своё потаённое место. По её щекам текут слезы.

Дверь открывает заспанная девочка лет десяти.

Девочка – Мама нет, она на улице убирает.

Сталин – Мне нужен врач Борис Купчик.

Девочка смотрит на Сталина, не понимая, чего от нее он хочет.

Сталин – Мне нужен судебный эксперт Борис Ефимович Купчик. (Полувопросительно, полуутвердительно) Он здесь живет.

Машинально достаёт банку, которую держал под шинелью, снова убирает назад.

Девочка (Наконец поняла, что от нее хотят, улыбаясь своему пониманию) – А папы нет. Он в тюрьме и придет через два года и три месяца. (Перестает улыбаться). Я не смогу ему написать, что вы к нам заходили, товарищ Сталин, потому, что он без права переписки.

Сталин молча поворачивается и уходит.

Девочка смотрит ему вслед и улыбается.

Женщина-дворник выжидает, когда машины уедут. Затем ждет еще и не зря. Из подъезда выходят двое и растворяются в темноте. Выждав еще минуту, женщина бежит в дом. Дрожащими руками открывает дверь, в которую недавно стучал Сталин. Бросается к спящей на кровати девочке. Обнимает ее. Девочка открывает глаза, и улыбается.

Девочка – Мама, мне сон приснился.

Женщина – Какой, моя радость?

Девочка – Нам принесли портрет товарища Сталина.

2 августа 1945года. Потсдам. Резиденция американской делегации на конференции стран-победительниц. Кабинет президента Трумэна. В

кабинете Трумэн и Гопкинс. Трумэн рассказывает по кабинету, Гопкинс сидит в кресле.

Трумэн – Ваши предположения о мотивах поведения русских на конференции оказались не верны. Сталина, по-моему, меньше всего заботят экономические проблемы. Не на какие уступки он не согласен, он еще весь в войне, он не остановился и..., кажется, не собирается останавливаться.

Гопкинс – Честно говоря, я удивлен произошедшей метаморфозой. В мае, в Москве он был сама любезность. Не понимаю, что так повлияло на него.

Трумэн – Он торпедировал все возможные варианты соглашения по Польше. Думаю, что это не спроста - он принял решение. Если он собрался прошагать до Ла-Манша, то перед нами встает проблема обеспечения безопасности нашего экспедиционного корпуса в Европе.

Гопкинс – Я не совсем представляю, что мы сможем противопоставить сталинской армаде в Европе. Сегодня у него действительно самая большая, сильная и самая дееспособная в мире армия.

Трумэн – В Европе мы его сдержать не сможем, это мне абсолютно ясно.

Гопкинс – Не удержав Европу, мы не остановим его и в Африке.

Трумэн – Если план покорения Европы существует, то Сталин отменит его только в том случае, когда перед ним реально встанет угроза возмездия, и в первую очередь ему лично.

Гопкинс – Как это сделать, мистер президент? Прямое противостояние с русскими невозможно, мы потеряем десятки тысяч наших парней.

Трумэн – Дорогой Гопкинс, для того, чтобы отвадить несколько конкурирующих банд от вашего дома, совсем не обязательно уничтожать их все, иногда бывает полезно сурово наказать одних, другие, скорее всего, оценят, поймут и уберутся.

Гопкинс – Мне кажется, что мы это проходили. То, что мы ему показали в Дрездене, его не останавливает.

Трумэн – Да, урок не пошел впрок. Сталин легко преодолевает любые болевые пороги, связанные с угрозой огромных человеческих потерь. Требуются более радикальные средства.

Гопкинс – И как это может выглядеть в нашем случае?

Трумэн – Не будем предвосхищать события, скоро, очень скоро все это увидят. То, что нам предстоит в ближайшее время сделать, наверняка, ужасно. Но, не решившись на это, мы обрекаем себя на медленную деградацию, постоянное нахождение в положении человека, которому внешние обстоятельства не дают выпрямиться. Мы обязаны решительно через это пройти, сегодня я вижу это так и только так. Знаю, через пятьдесят или сто лет все наши сегодняшние волнения и тревоги будут выглядеть совершенно иначе, нас, *(Пауза, тяжело вздыхает)* меня лично будут осуждать. Но для того, что бы наши потомки потенциально могли подвергать уничтожающей критике мои действия, я должен принять

решение, от одной мысли о последствиях которого мне становится не по себе. Но я так решил.

Гопкинс – Это верное решение. Решение для уверенности.

Заключительные титры фильма идут на фоне перемежающихся друг друга кадров кинохроники бомбардировки Хиросимы и Нагасаки, сытой и беззаботной жизни современной Америки и Европы – праздники, карнавалы, соревнования.

Незаметно исподволь появляются кадры военных действий в Чечне, Косово, Ираке, тоже перемежающиеся видами полных полок магазинов, демонстрации мод и ночных московских тусовок и т.п.

Москва,
31 июля 2007 г.